

КНИЖНАЯ СЕРИЯ
«АВАНГРАНДЫ»



ПОРТРЕТЫ



Юрий
Влодов

ПОРТРЕТЫ

ЮРИЙ ВЛОДОВ

Книжная серия
«АВАНГРАНДЫ»

ЮРИЙ ВЛОДОВ

ПОРТРЕТЫ

Книга стихов

Издательство
Евгения Степанова

2019

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В58

Влодов Ю. А.

В58 **ПОРТРЕТЫ**

М.: Издательство Евгения Степанова, 2019 – 88 с.

ISBN 978-5-91865-538-2

«Портреты» — одна из основных книг поэта Юрия Влодова (1932–2009).

О чем она? В основном, это литературные портреты больших поэтов и писателей прошлого. Также образы каких-либо известных исторических личностей: царей, королей, полководцев, завоевателей и даже литературных персонажей.

Кроме того, здесь собраны сюжеты, картинки из прошлого, из истории, в основном, опять же, из истории России. Почему и имеет эта книга еще одно название: «Летопись».

© Влодов Ю. А., 2019

© Влодов Ю. А., наследники, 2019

© Издательство Евгения Степанова, оригинал-макет, верстка, 2019

© Климов В. М., название серии, 2015

СЮЖЕТЫ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖАХ

I.

Дон Кихот

* * *

У Дон-Кихота — жуткая работа.
Такая человеку не с руки.
До помраченья, до восьмого пота
Идальго атакует ветряки.

И латы дребезжат аляповатые...
И старое ломается копьё...
А мельницы все крутятся — проклятые...
Все крутится земное Бытие.

II.

Робинзон

* * *

Робинзон осознал,
Что вдали не корабль, а касатка...
Заметался, заныл, заскулил на песчаной косе!..
Успокоился враз,
И вздохнул по-младенчески сладко,
И когтистой рукой рубанул:
«А-а! — идите вы все!..»

III.

Дон Жуан

* * *

А Дон-Жуан-то, может статься,
Рыдал на чьей-нибудь груди:
«Я так хочу с тобой остаться!
На веки вечные остаться!..
Но смеху будет — пруд пруди!»

СЮЖЕТ ОБ АНДРЕЕ РУБЛЕВЕ

* * *

Андрей Рублев — отнюдь не Мономах.
Но княжий у художника размах!..
По-царски он творил свои иконы.
В искусстве застолбил свои законы.
Его Спаситель встал над Палачом,
И смотрит иронично и строптиво.
...А над рекой все шепчет ни о чем
Душа Руси — юродивая ива.

СЮЖЕТ О ЦЕЗАРЕ И БРУТЕ

* * *

Он удивился: «Ты, мой Брут?!»
Но был удар кинжала крут...
Проснулся Цезарь утром рано —
Остывшая зияла рана,
Хотелось душу отогреть!..
И он подумал: «Правый Боже!
На что же все это похоже, —
Теперь уже — не умереть!»
А Брут задумался глубоко
И стало Бруту одиноко,
И он подумал: «Все помрем!»
Сверкали дали голубые
И только стражники немые
Ходили мерно под окном.

СЮЖЕТЫ О МОНГОЛО-ТАТАРАХ

I.

* * *

Спросил кривой монгол,
взасос целую стремя:
«Что видел ты во сне,
о солнечный Чингиз?!»
Но, солнечный Чингиз
не глянул сверху вниз, —
Лишь сплюнул
и попал
монголу прямо в темя.
Из горла звук извлек
и в никуда изрек:
«Мне снились белолицые уроды...
Они тонули в собственной крови...»
А сам, зажмурясь,
думал о любви...
Гонец сказал:
у младшей были роды...

II.

* * *

Воронище над битвой кружит,
Лупоглазый и цепкий, как жид,
Ожидает покуда.

А дружинник — дурак дураком! —
Пригрозил кровяным кулаком:
— Хрен дожدهшься, паскуда!

Рассвело. Откатился навек
Бесноватый, безмозглый набег
За покосы, за жито...

Ни хозяев тебе, ни гостей,
Лишь на куче мосластых костей
Ворон хохлится сыто!..

СЮЖЕТЫ ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

I.

* * *

И выиграл куполами неслыханный
Васька Блаженный!..
И тогда ослепили творцов, обезглавили напрочь!
Упоили сивухой, велели пожрать напоследок,
И по-царски спросили: «Чего вам желательно, хамы?..»
Захрипели умельцы: «За работу, Гроза,
благодарствуй!..»
Шапки шмякнули оземь: «Царь-Гроза! Самодержец!
Заступа!..»
И пошли по Руси, улыбаясь хмельно и блаженно...
Опираясь на посохи, щупали воздух ноздрями...

II.

* * *

Ах, по головушке тугой —
Неслыханным жезлом!..
И целый миг трясет ногой
И пучится козлом...

Ах, по головушке — жезлом!..
С оттяжкой!... Да сплеча!..
И оплывает под углом
Истории свеча...

Иван сморкается в полу,
Дрожит, как Вечный Жид...
А русский Гамлет на полу
Расплющенный лежит.

СЮЖЕТЫ О ПЕТРЕ I

I.

* * *

Цари, обычно — самодуры.
Царицы просто злые дуры.
Царевны вялы, истеричны...
Зато царевичи — лиричны!

Подросток — что?! — живые мощи, —
Загривка нет. Ходули тощи.
Торчит косица, как лоза,
И в клетках мечутся глаза!..

Но мировых познаний голод
Его как зверь скребет уже!
И назревает Петер-город
В зело лирической душе!

Прочистит глотку прусским пивом,
Мозги — британским табаком,
И, ослеплен голландским дивом,
По верфи дернет босиком.

Он — фантазер! Он Русь-голубу
Рванет за потные меха!
И вывернет ее, как шубу, —
Так что посыплется труха!..

II.

* * *

Живуч доносчик на Руси!
Его классические перлы
Сопя читает Петер Первый
С дымучей трубкою в горсти.

Как туча, грива у Петра!
На табурете сидя боком
Он обжигает конским оком
Святого рыцаря пера!

А тот глядит ему в глаза,
И мыслит преданно и смело:
«Не государево ли дело
Мир очищает как гроза?

Я — гражданин! И я рожден
Для процветания державы!
И для российской вечной славы
Царем и Богом утвержден!»

А царь с утра пилил, рубил,
Мятежил душу, тешил тело!
И потому сыскного дела,
Ну хоть зарежьте, не любил!

СЮЖЕТ О ЛОМОНОСОВЕ

* * *

Ядрен помор Михайло! —
Побочный сын Петра.
Студеной бурью хайло
Надраили ветра.

С утра нажрется лука, —
Рыгает веселей!
И щедро прет наука
Из всех его щелей!

СЮЖЕТЫ О ЕКАТЕРИНЕ II

I.

* * *

«Майн готт! И откуда морщины?
Хоть всех массажистов зови!
И нету на свете мужчины,
Достойного женской любви!

Чтоб ноженьки выгнул босые!..
Чтоб выдохнул: "Девка, молчи!..
И сердце болит о России,
Но в это не верят врачи...»

Немецкая ноет шарманка
И маршал с личиной козла
Все блеет: «"Царица-ерманка"...
Насрать ей на наши дела!..».

II.

* * *

Как ходит бровь Екатерины!
Как иронично сдвинут рот!
Идут армейские смотрины:
Гвардейцы взяты в оборот!

Ах, нет зануднее обузы,
Оставляя вдовствовать кровать,
Преображенские рейтузы
В тугом строю обозревать!

Тот славный полк Преображенский
Никои трюки не спасут,
Когда над ним вершится женский,
Не просто царский, — женский суд!

СЮЖЕТЫ О НАПОЛЕОНЕ

I.

* * *

Поредел императорский чубчик.
Пыль смоленская скулы свела.
Ах, кого отпевают, голубчик,
Квазимодовы колокола?!

Проносился нездешней орбитой!
Проносил неземной ореол!
И завис над Москвой, как подбитый,
Обронивший добычу орел.

II.

* * *

Не осталось былого азарта.
Под ногами — чужая земля.
И народ пропустил Бонапарта
На Божественный суд короля.
Строг поверженный, как монумент,
В исторический данный момент.
Он — в солдатских одеждах суровых.
Сапоги — не придумать грубей!
И Луи со ступеней дворцовых
Прошипел: «На колени, плебей!»
Поклонился Великий Солдат,
Распрявился Великий Солдат,
Резко вскинул литой подбородок.
Резко руки скрестил на груди.
Он-то слышал — живой самородок —
Как бессмертье трубит впереди!

СЮЖЕТЫ О ДЕКАБРИСТАХ

I.

Декабристы

Венец мороза, вещий, как петля, —
Над площадью, где зябкие подковы.
Смешливый глаз чугунного Петра.
И Николай в шинелешке дубовой.
«Блаженно детство. Лучше б во сто крат
Уже торчать в натопленной темнице».
Так мыслит бунтовщик-аристократ.
Он — юморист. Подковы по столице
В булыжник бьют, как будто кандалы
Кует кузнец, невидимый, но грозный:
Прими, мол, юность, звонкие дары
В бессмысленный, бессмертный день морозный!..
В покоях нынче обмороки, стон,
И беготня... Вздохнет лакей ретивый:
«Ах, князенька! Совсем дитятя он...
Прости его, кормилец наш родимый!..»
И встретятся крестьяне среди полей
На ледяной развилке, в белом паре.
Пошутят зычно: «Бают, Пантелей,
В войну пограть решили наши баре!..»
И заскрипят этапы не спеша.
В казенных избах будут хлопать двери...
А воздух, как российская душа,
Морозен, чист и грозен от преддверья...

II.

* * *

В надежных розвальнях, в мехах,
Волконский спит, поджав коленки...
Отпрыгнул встречный впопыхах,
Вдогон этапу лупит зенки...

Осторожной пушки грохнет гром.
Тузом бубновым бита карта...
И туча в небушке сыром, —
Как треуголка Бонапарта...

Игрок! Фанатик! Бог пространства!
Смутитель русского дворянства!
Его нечаянный палач!..
Поплачь на острове... Поплачь!..

СЮЖЕТ О ДЕНИСЕ ДАВЫДОВЕ

* * *

Давыдов проснулся, горяч и по-зимнему зорок.

Спружинил в постели:

«Ба! — ночью-то хлопнуло сорок!»

Заносчиво фыркнул: «А хоть бы и все пятьдесят!!»

Шампанского кликнул, велел порубать поросят.

В деревню послал —

притащить крепостную семнадку.

Гавриле сказал: «Наиграй-ка мне, дурень, сонатку.

Сыграй мне про то, как во снах пуще птицы летаю...

А я полежу... И о жизни былой помечтаю...»

СЮЖЕТЫ О ПУШКИНЕ

I.

* * *

Светильники...Гербы...
Ночные менюэты...
Осенняя земля, —
Что вечная ладья!..
Как Вечные Жиды
Курчавятся поэты,
Как вечный идол, прям
Земных затей судья.

«Ужо вам, писаря!
Арапы! Графоманы!..»
В стеклянной тишине:
«К барьеру, певчий трус!!»
Сквозь долгие снега
И длинные туманы —
Рабочий звон курка
И пристальное: «Ну-с!..».

Как вечные рабы
Курчавятся поэты.
Как вечный идол, прав
Земных забав судья!
Светильники. Гробы.
Ночные менюэты...
А зимняя земля, —
Что вечная ладья!
Весенняя земля...

Но где-то в чужедальной
Степи моей родной —
Над брэнною душой —
Играет мой кузнец
С огромной наковальней...
О, сладостный кузнец,
Поэта брат меньшей!

II.

* * *

Когда на клейкий подоконник
Зарю обронит глупый птах,
Когда пастух — сопливый конник
Промчится с гиком на устах

Я буду спать — башкой в тужурку,
В мышинном сене и пыли...
Но в оловянную мазурку
Вхожу я с теплой Натали...

И свечи светятся морозно!
И рыжий гений смотрит грозно!
Ах, притча века — Натали!

Звенят браслеты грациозно,
И пахнут вольно и березно
Запястья сельские твои...

III.

* * *

О балы мои далекие!
Колокольца снежный звон!
Неопознанные локоны
В бликах елочных окон...

Зажигали свечи чистые...
Заполняли синевой...
Полонезами лучистыми
Плыли зимы над Невой.

И на санные излучины —
В запах милый, меховой —
Опускался кто-то мученый
С эфиопской головой...

И взлетали галки снежные
Из-под санного ножа!
И была метель мятежная
Оглушительно свежа!

IV.

* * *

Светлело, а гусиное перо
Резвилось, как младенец неразумный,
И глаз косил безбожно и хитро
На этот мир — застенчивый, но шумный.

Пищала птаха, тихо зрел ранет,
Сварливый клен под окнами возился...
«Ужо тебе!» — воскликнул вдруг поэт,
И кулаком чернильным погрозился.

«Ужо тебе!» — и весело со лба
Смахнул волос воинственную смуту...
Не знала Русь, что вся ее судьба
Решалась в эту самую минуту.

V.

* * *

Монарх изрек:
«Что всеу Смерть?..
Палач — для этикету...».
И пояснил:
«Все должно сметь!»
И подмигнул поэту.
И прояснил: «Нам жизнь дана
На вящую удачу!
А тут альбом: «Взойдет она...»
Сей стих подобен плачу!..
Уж коли глиняный колосс —
Не место быть страданью...»
И кольца пушкинских волос
Взъерошил нервной дланью...
Басы опробовала медь,
И отпрыск Ганнибала
Вскочил с колен!
Забыл про смерть!
И ждал ночного бала...

VI.

* * *

На тебя за неделю четыре доноса! —
Потерпи, — за талант, за стихи...
Бенкендорф не донес табакерку до носа,
Оглушительно гаркнул: «Апчхи!»

Пушкин взвился, ощерился, фалды трубой!
Побелел негритянской тягучей губой:

— Как? Чтоб склочная бездарь поэтов чернила?! —
Разгоню, как помойных ворон!
Самой белой бумаги! Перо и чернила!
Покупайте их оптом, барон!

VII.

* * *

— Бродяга, кто ты? Я — Христос!
Чумазым бесом взвился:
— Что-с?!
Холоп! Рванюга! Я-т-те дам!!
И хлеть! — наотмашь! — по мордам!

Поэт в карету прыг бочком...
А нищий кровь утер молчком
С губы, рассеченной хлыстом...

Так Пушкин свиделся с Христом .

VIII.

* * *

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берет.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берез.

Суров арап великого Петра!
А внуку — только детские забавы...
Он засмеется белыми зубами
Под легкий скрип гусяного пера.

«Ребятюшки! Один у вас отец!..»
И на крыльце — Пугач в татарской бурке...
А на балах, в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...

На сотни верст глухой и гулкий лес...
Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А, может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?!..

Она все ближе — теплая зима,
Где выстрелы, как детские хлопушки,
Где в синий снег падет руками Пушкин,
И из-под рук вдруг вырвется земля...

И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвется мех соболий,
И медальон на шее задрожит.

Пробьется луч весенний, золотой.
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским, в церквушке,
Звонарь встревожит колокол литой...

Ну а пока — туманная пора.
Все в липкой паутине бабье лето.
И небо — в голубых глазах поэта!
И нервный скрип гусяного пера...

IX.

* * *

Пушкин с Гоголем сидели,
Много пили, мало ели.
И, смакуя дым глотками,
Все чадили чубуками.
Поболтать бы, да о чем? —
Лучше — ноги калачом.
Вдруг ощерился поэт:
Тридцать лет, а проку нет!
Недоступна мне пока
Глубь родного языка! —
По листу перо бежит,
Но — споткнется, задрожит,
Что кораблик на волне...
Тайну чует в глубине!.."
У Великого Хохла
Бровь к пробору поползла.
Усмехнулся? — вроде — нет.
Два кивка — и весь ответ.
Поболтать бы, да о чем?
Гоголь, вроде, не при чем.

X.

* * *

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Черным бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,
Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что — стихи?!..

XI.

СМЕРТЬ ПУШКИНА

Порвал с двусмысленным признанием, —
С глухим, докучливым дознанием,
Встал на победном рубеже!

И врач-пруссак следит со знанием
За полыхающим сознанием
Поэта — мертвого уже...

СЮЖЕТ О ЛЕРМОНТОВЕ

* * *

Пехотный пыльный понедельник.
Шальная пуля впереди.
Усталым сердцем бьется Терек
В Кавказа каменной груди.

Здесь воздух медленный, как песня.
А полдень тонкий, как свирель.
И сердцу больно, сердцу тесно
В ловушке проклятой своей!

Здесь бледный, маленький поручик
Шашлык жует и пьет кумыс.
То долг с приятеля получит,
То проиграет в нудный вист.

Он бродит — мрачный, как Печорин,
С пижонским хлыстиком в руке,
В осточертевшем до печенок,
Насквозь курортном городке....

Среди мазурок и истерик
Ползут казенные дела...
И кровью бьет усталый Терек
Под формой серой, как скала!..

Но есть минуты воспаренья! —
Его священные часы!
Орла недвижимого круженье
В пустыне снежной чистоты...

И он стоит над бездной горной —
Лобастый, замкнутый Мишель,
Как дух изгнанья — непокорный,
И беззащитный, как мишень.

Долой мундир! — открыто сердце!..
Закрой, закрой его скорей,
От пули гордого чеченца,
От хитрой радости царей!

Он — демон. Враг Земного Бога.
Кто в смертной схватке победил?!
Не пощадит его эпоха!
И он ее не пощадит!..

А под глазами — сине-сине...
В больших зрачках — немой вопрос...
И вдалеке — она — Россия...
Своя...немытая до слез!..

СЮЖЕТ О ДОСТОЕВСКОМ

* * *

Достоевский — от слова «достоинство»,
От достоинства — малый доход.
И соседей великое воинство
Объявило крестовый поход.

Под... досужими
Ты залег, затаился, как зверь.
И тряслась под ударами дюжими,
И держалась хозяйская дверь.

СЮЖЕТЫ О ТОЛСТОМ

I.

* * *

Русский лес — домовит.
Русский воздух — молод.
Русский чай — духовит.
Русский сахар — колот.

Синь — верста за верстой
И на целом свете
Только Фет да Толстой,
Глупые, как дети...

Дремно думает граф:
«Хорошо в покое!..
И, конечно, я прав,
Верю в такое...

Вишь, пожаловал ферт —
Мазаны волосья!
И придумал-то — «Фет»! —
Ровно кличка песья!

Ишь, оставил задок! —
Как зайчишка прыток.
Не беда, что жидóк,
А беда, что жидок!..»

Дранный графский буфет,
Борода Христова.
Желчно думает Фет,
Глядя на Толстого:

«Ах ты, старый старик!
Домотканый гений!
Борода, что парик
На потешной сцене...»

Мудровой эрудит!
Дать бы старцу лупку!
Вроде граф, а глядит
Марьюшке под юбку!...»

Эх, ядрена коза! —
В тишине, да молча
Притупили глаза,
А посадка — волчья.

Жизнь — верста за верстой —
Целый век в минуте...
«Нуте-с!» — молвил Толстой.
Фет ответил: «Нуте?..»

II.

* * *

«Граф, извиняй! — слова твои пусты, —
Сморгнул денщик, топя лепеху в сале, —
Издравле смерть и кривда мир спасали,
А жизнь и правда прятались в кусты...»
Все возмутилось в Левушке Толстом...
«Прочь!!..» — гаркнул граф и в двери ткнул перстом...
Потом всю ночь казнил над листом...

III.

* * *

В двери — скреб-скреб... В окна — тук-тук:
— Лев Николаич! К заутрене не пройдет?..
Вскочил босиком и гаркнул, как мощный петух:
— Да сгинь ваша церква в коровьем помете!

В ханжеском храме молитву гнут на зубок...
Поп с похмела изрыгает акустику чрева...
А в графской каморе двое — Толстой и Бог, —
Оба босые, всклокоченные от гнева!..

СЮЖЕТЫ О БЛОКЕ

I.

* * *

Слепые силуэты Петрограда...
Густой туман, как дым пороховой...
А он поник белесой головой
Над столиком трактира «Эльдорадо».

Совсем не «Эльдорадо»... Нет, не то...
Пульсирует заточенная жилка.
Роняет блики смрадная коптилка
На черное старинное пальто.

Шарманка задыхается за дверью,
Надсадно и застуженно сипит...
И деревяшка адская скрипит.
И чья-то рожа смотрит в окна зверем...

Его рука немислимо бела,
Нет, он не спит, он только стиснул веки.
Как трудно быть мужчиной в этом веке,
Когда зовут в ночи колокола!

А над кабацкой стойкой Незнакомка
Кокоткой размалеванной грустит...
А он — руками белыми хрустит...
А он смеется коротко и ломко...

Потом встает и падает стакан,
И он ногой ступает на осколки.
И сразу в грудь ударит ветер колкий,
И двинется над городом туман.

Он у мальчишки спросит папиросы,
А впереди — неясные, как сны,
Горят в тумане красные костры,
Шагают гулко красные матросы.

II.

* * *

Не путайте балы и Блока.
Блок — это бублик ледяной,
И вошь тифозная. И склока
Лохматых девок за спиной.

И тьма, безлюдная, как площадь,
Где все устои нипочем.
Пьяной, дымящийся извозчик,
Весь навесной, как Пугачев.

И тихий стон. И дикий гон.
И сани валяются под вожжи.
И девять ангелов с икон
Детьми голодного Поволжья.

III.

* * *

Дежурной улыбкой лучится
С кого-то срисованный бог.
И мечется огненной птицей
За темными окнами Блок.

Он светлые видит аллеи...
Он слышит волшебный рояль...
Воздушное платье алеет...
Пугливо взлетает вуаль...

А тот, волосатый и дикий,
За Музой шагнет в листопад...
И Муза с глазами Юдифи
Лицо запрокинет назад...

Срастаются намертво брови.
Крылатая тень на стене.
Нелепо расплющенный профиль
На тонком холодном стекле.

СЮЖЕТ ОБ ИННОКЕНТИИ АННЕНСКОМ

* * *

Клокочущий хорал
Труба переросла...
Пока я лист марал
Судьба перенесла

Твою прямую тень
За тридевять высот
Где белый-белый день
Не меркнет круглый год.

И вещей слов хвалынь
Вливается в покой...
И плещется полынь
Над памятью людской...

А млечную сирень
Прельстила тяжесть сот.
И белый-белый день
За тридевять высот.

И тени на лугу...
И строже всех твоя...
Но замкнут я в кругу
Земного бытия!

И если тяжело
Мне станет — отзовись! —
О вечности жерло,
Прожорливая высь!

СЮЖЕТЫ О ЕСЕНИНЕ

I.

* * *

«Зарежусь!» — объявил Есенин девке.
«Да что ты? — против Бога и природы?!»
«Зарежусь, говорю! Молчи, дуреха!
Бог добрый, а природа в нас самих!»
Умолкли, выпили, накрылись простыней...
В углу под краном капли отбивали
последний месяц...
«У, какая грудь!» — пропел поэт
и глухо всхлипнул: «Ма-ма!»
«С. А. Есенин, — подытожил врач.
— Гостиница, дежурную карету, двух санитаров».
Капли отбивали
последний месяц...
Колченогий дворник
сметал метлой прошедшее число...

II.

* * *

Заприметил в кафе Пастернака!..
На пути отфутболил поднос!..
И — дорвался!.. И выхаркнул: «На-ко!..»
И пульнул ему дулю под нос!

Бился... Взрыдывал пьяно и гордо,
Рвал рубаху с заломленных плеч:
«Не кобень, лошадиная морда,
Нашу кровную русскую речь!

Эх, стыдоба от Господа-Бога!
Раскалить бы секиру — да в-ж-жик!»
Бьется раненой птицей Серега —
Гениальный рязанский мужик!

«На роялях учились, пас-куда?!
А у нас отродясь ни кола!..»
И взрывается звоном посуды,
Как рязанские колокола.

Но судьба похитрее воровки:
Хочет жизнь у Сереги украсть.
И до крепкой казенной веревки
Сорок суток отмерила власть.

СЮЖЕТЫ О МАНДЕЛЬШТАМЕ

I.

НЭПМАНСКАЯ БАЛЛАДА

Ну кто не знает Мандельштама?
Фигура-дура, скажем прямо:
Шатун, крамольный стихоплет,
В какой ты цвет его не выкрась.
Одни подачки: ест да пьет.
По виду — грач, по слухам — выкрест.

Но, черт возьми, какой пассаж,
Когда морали строгий страж
Его читает зло в гостиной...
С овчинку кажется уют!
И по лощеным барским спинам
Мурашки вящие снуют!..

Столица. Вкусный пар харчевни
Швейцары сумрачны и древни,
В хрустальной вазе мягкий хлеб.
Патруль — небритый и холодный —
Заглянет — грозный и свободный,
Слюну проглотит: «Ишь ты, нэп!»

Мой Бог! Какая сервировка!
Тарелку взять — нужна сноровка,
Не двинь-ка локтем невзначай...
В окне — тельняшка, клеш, винтовка...
Пиит два супа спросит робко
И для жены — горячий чай.

Цивилизованный приказчик
С хозяйским прозвищем «Проказник»
На пологого в нос ворчит.
Весь распомаженный и узкий
Гитарой ласково журчит,
Картавя на манер французский:

*«Вся-то наша жизньюшка,
Как пустой стакан...
У меня на сег'дце бг'одит
Чег'ный таг'акан...»*

Морозно хлещут струи водки.
Рагу шипит на сковородке.
Приказчик! Душка! Пей до дна!
Берет высоко и фальшиво
Гитары дряблая струна...
Ах, пшенный суп! Ну что за диво!

II.

БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ

Гой, робята! Рви на тройке!
Фордыбачь, российский сын!
Завались в суконной тройке
Хошь — в харчевню, хошь — в Торгсин!..

Время, время — прямо в темя
Бац! — навроде кирпича...
Хлоп ушами — ты уж с теми, —
Дунет шашечка сплеча!..

Хрен, капуста да печенка,
Все сегодня не заздря...
Водка, кровушка, чечетка —
Тридцать три богатыря!

«Вам бы надо б — чьи мы? Чьи мы?
Ну, так можем пачпорт дать...
На печи бы... на печи бы...
Нам бы надо б... нам бы спать...»

Печь высока да калена —
Подюжей жилец сперва!
Ой, потеха! До колена
От жилетки рукава!..

«Слухай, Кузька! — не конфузъ-ка!
Не помни на них пальто!»
Широка натура русська! —
Степ — и то чуток не то!..

«Так негоже при народе! —
Слышь, лежачего не бей!..»
Любит пшенку в огороде
Наш залетный воробей!..

Спит под печкой сучка Моська,
Снится ей мосол свиной.
Спит на печке странник Оська
(Ну, конечно, и с женой!)...

Мает маятник судьбину...
Русь! Кладбище да труба...
Через пуцу-луговину
Продирается изба...

Под щекой у сучки Моськи
Сохнет Оськин башмачок...
Ая-яй! Не стыдно, Оська?!
Ведь не спишь ты, дурачок!..

«Здрас-сте! Здрас-сте! Нет, не сплю я...
Потому что вот — не сплю...
Вашу родину люблю я!
Нашу родину люблю!...

Почему-то лилипуты
Повставали в уголки
На кривых ножонках путы,
А в глазенках — угольки!..

Как же? — круглые недели
Чтоб ни крыши, ни угла?!
В самом деле, вы хотели,
Чтобы мы как чучела?!

Извините... Мерзость... Мысли...
Просто карлики в углах...
Нам бы надо б в зябкой выси,
Чтоб на легоньких крылах!

Над ветрами колокольни,
Где зарница, как нарыв!
Черной птицей в небо, что ли?
Три ха-ха! — какой наив!

Вы поймите, вы поймите,
Как я счастлив за житье!..
Ну, пожалуйста, возьмите
Сердце алое мое!!..»

В раннем поле, где Морозко
Машет гривушкой льняной,
От села уходит Оська
/Ну, конечно, и с женой!/...

III.

* * *

Тайги сухая осыпь.
Ухмылка пахана:
«Не бзди, товарищ Осип!
Всему хана!»

Мертвее смерти в сто раз
Слепой слезы слюда...
Луна — твой вечный сторож —
Туда –сюда...

Снежинки сеет осень.
Аминь. Какую.
Что хнычешь, бедный Осип,
Слабо — на юг?!..

IV.

* * *

Хиленькому Осипу
До ума б дожить, —
Сколько можно сослепу
Хныкать и ханжить?

Влезет вместе с пейсами
На чужой диван,
Слушая, как с песнями
Ждет в ночи Иван.

V.

ЛАГЕРНАЯ БАЛЛАДА

*Не оставляйте спички детям
(плакат противопожарной охраны)*

Вступление

Как совы сонны и недобры воры.
Бесята смерти прыгают в кострах.
И плавают над зоной разговоры
Липучие и едкие, как страх.

В болотине увяз таежный лагерь,
Закручено сплетенье душ и тел.
Земной любви неуловимый ангел
По Северу в тот день не пролетел.

Авторитетный вор (дурачась)
Коль нечего в паскудной зоне пить
Пора слезами глотку окропить,
В утробу непутевую пролить их...
Эй, шмуть, канай сюда,
Ты кто? - политик?..

Поэт

Я — Мандельштам! Я — лодочник!
Безумец, настигнутый зигзагом громовым!
Спалил всю лодку огненный трезубец
И я завис над морем гробовым,
Не перейти пучину смерти вброд!..

Авторитетный вор

Он чокнутый! кило печенья в рот!

Поэт

Я помню, в Петергофской колоннаде
Свистел ветров мучительный кларнет!
На Пасху я послал два слова Наде, —
Ответа нет, увы! — ответа нет!...

Гнусавый

Кого жалеть? Что есть в натуре баба? —
Всего лишь дырка, скользкая, как жаба!

Поэт

Не смейте! Это гнусно!

Авторитетный вор

Не дури. На, лучше, самосаду подкури...

Вор-заика

Б-бабье — они как п-плохонькие лодки,
В любовной жизни н-надобно в-весло...

Гнусавый

Залить бы, что ли, валерьяном глотки,
Да так, чтобы поносом пронесло!...

Поэт

Мне страшно здесь! Лежишь во тьме барака
Как Гоголь, пробудившийся в гробу!

Гнусавый

О чем и речь? Зачем горбатым драка?
Тащи потом несчастье на горбу.

Авторитетный вор

Ты, говорят, был в должности поэта,
Что ж, растолкуй нам в рифмочку про это.

Гнусавый

Пусть пожует жиганской колбасы,
Чтоб укрепить поэтские басы.

Вор-заика

Жри, не давься. Трясется, доходяга.
Что делать? Жизнь — преподлая бодяга.

Авторитетный вор

Поел? Теперь натурой заплати:
Изобрази поэта во плоти!

Поэт

Извольте! Но едва ли вы поймете!
Поэзия не кража, не грабеж!..

Авторитетный вор

Воры, считай, жемчужины в помете,
Копни навоз, авось да разгребешь!

Поэт

Поэзии Божественные чары
Подобны взнеземному кораблю!..

Авторитетный вор

Оставь свои загадки для сучары,
А я так созвучия люблю!...

Поэт

Забыл!.. Ах, да! ..
На треснувшей иконе
С ухмылкой сатанинской полубог!..

Авторитетный вор

Поэт, навроде, тоже вор в законе! —
Живет себе как вольный голубок!

Поэт *(читает).*

*Кладбище Вселенной. Полуночь души.
Могу ли во мраке расцвести я?
Незрячую землю в тишайшей глуши
На ощупь находят созвездья.*

Авторитетный вор

Не стыдно, жид! С невинными глазами
Толкаешь нам Серегу из Рязани.
Я смолоду завзятый книгочей,
Профессор ярославских уркачей!

Поэт

Есенин! Чушь! Певец святых коров!
Поэт — как луч столетий и миров!

Авторитетный вор

Цыц! Не вертись, как устрица на блюде!
Тебя, придурка, пригласили люди,
Тебя, барбоса, слушает ворье,
Так расскажи, пожалуйста, свое.

Поэт (читает).

*И глух человеческий разум, и слеп.
Мерцают просветы скупые.
Ключицы любимой и горестный хлеб
На ощупь находят слепые.*

Авторитетный вор

Над кем смеешься, лагерная рвань?
Кого дурачишь — деревенских вань?

Гнусавый

Поносник! Спер Серегины стишата!
Обдай его баландой из ушата!

Вор-заика

Мы для н-него п-преступники, х-хамье...

Поэт

Клянусь Надеждой, это все — мое!
Я — Мандельштам! — клейменный, именной!
Весь Петроград качался, как хмельной!
Сам Блок сказал: «Строка сечет как розга!..»

Гнусавый

Огладь его орясиной вдоль мозга!

Вор-заика

Он полудурок, б-брось его, н-не трожь!
Б-боюсь к-кровянки, аж в к-коленках дрожь!

Авторитетный вор

Пусть не наглеет! Фраер! Тварь! Дебил!
На получи! (*бьет*)

Вор-заика

Да ты его п-прибил!...
Авторитетный вор.
Не будоражьте душу, Бога ради!...

Поэт

Кровь... Умираю... Передайте Наде...

Авторитетный вор

Эй, работяги! Тут один шакал
Упал и в рай небесный ускакал!
(*Ворам вполголоса*)
Атас! Расход! Что приуныли, братцы?
Давай, урло, запишем жида в святцы!

Эпилог

*Где тени мертвых бродят не дыша,
Где вьюга воет лагерной сиреной,
Гори-гори одна во всей вселенной
Незрячая молочная душа.*

*Где говорят земля смешалась с небом,
Где ни ходьба ни гоже, ни езда
Над ледяным закаменелым снегом
Гори-гори младенчества звезда.*

СЮЖЕТ О СТАЛИНЕ

* * *

«Ну что, товарищ Коба? —
Дела, конечно, во!..
Смотри, товарищ, в оба!» —
Смеется Дурново.

«Смакуй, товарищ, трубку!
С курсистками кути!
Да шибче мясорубку
Марксистскую крути!

И что там Ангел смерти! —
Барашек завитой,
В моей секретной смете
Ты слиток золотой!»

Идет товарищ Коба
Сквозь мутный Петроград,
Марксист до гроба!
До гроба — гад.

СЮЖЕТЫ ОБ АХМАТОВОЙ

I.

* * *

Я вижу Ахматову Анну:
Безумные четки в руках,
И розы открытую рану
На черных житейских шелках.

А в медленном взгляде — бравада,
И страсти тягучая мгла...
А в царственном жесте — блокада,
В которой до гроба жила.

II.

* * *

Ахматова Есенина раскрыла —
В досужий час, под лампой костяной...
Исчезли в окнах дьявольские рыла,
Жалкуют очи с детской косиной.
Ахматова Есенина листает,
Высокомерье царственное тает.
Глядишь — и Бога молча позовет.
Ахматова Есенина читает —
Безвинного Есенина читает...
Наивного Есенина читает...
Ахматова Отчизну познает.

III.

* * *

Словила в зеркале украдкой
Прическу с ханжеской укладкой,

Румян вульгарные значки
И ненормальные зрачки.

А кто-то смачный за спиной
Сопит с невинностью свиной.

Трельяж — стариннейшая проза, —
Плод пограничного невроза.

IV.

* * *

Рассказал мне в ГУМе Лёва,
Бросив: «Как дела?»
Что кадета Гумилёва
Анька продала.

Был как выдох почерк беглый,
Рвался вкривь и вкось:
«Мол, не муж, — каратель беглый,
Сахарная кость».

Остывал в тюремной яме,
Около колов.
Растрепались языками
Сто колоколов.

Чу! — пошла по жизни Анна
В траурных шелках,
С розой, огненной, как рана,
С четками в руках.

СЮЖЕТ НИКОЛАЕ РУБЦОВЕ

* * *

Что тоскуешь, русский человек,
Над воскресной свахой-заливахой?
Ты утрись-ка, русский человек
До пупа разодранной рубахой.

Эх, Семен! Камаринский мужик!
Милый, безобидный мужичище!
Распусти-ка лучше свой язык
Да запрячь подальше кулачище...

Далеко ли, братец, до греха,
Коли день воскресный на пределе,
Запусти-ка, братец, «петуха»,
Так чтоб бревна в стенах загудели.

*«Эх, коза! — ядрена-вошь! —
Что посеешь — то пожнешь!..
Что посеешь — то пожнешь:
Ни хрена не разберешь...»*

Эх, коза... Стекольные глаза!
Аж душа воскресшая взопрела!
Где упала шалая слеза,
Там клеенка малость прогорела.

Что тоскуешь, русский человек?
Что скрежещешь зубьями — до боли?
Все пройдет, как прошлогодний снег.
Выпьем, что ли?!..

СЮЖЕТ О ЛЕОНИДЕ МАРТЫНОВЕ

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА

Да здравствует поэзия ума! —
Гордыня стилизованного духа!
Не дама, а скорее молодуха,
Солохи процветающей кума.

На тех подмостках, что пойдут на слом,
Среди декоративных изб и тынов,
Стоит с ухмылкой Леонид Мартынов,
Наряженный мифическим послом.

СЮЖЕТ О СОЛЖЕНИЦЫНЕ

* * *

Да, трудно, брат, работать Солженицыным, —
Косясь на окна, возвращать строку...
Так есаул, подбитый под Царицыном,
В крестьянской робе прятался в стогу.

Трещит забор под чужеродным трением,
Всю ночь визжит как резаный вокзал,
И думает Исаич: «Был бы гением,
Я б вам, хриstopродавцы, показал!!.»

АВТОПОРТРЕТ

Художник подмигнул: «Поздравь! Гастрит и астма!
И с бабами дошел, считай, что до маразма!
Неделю в рот не брал, вчера гульнул и вот,
Ни охнуть, ни дыхнуть и спазмы рвут живот.
Как видно я бельмо у черта на глазу!...
Ба! — хочешь на листе узреть мои страданья?
С похмелья набросал какую-то бузу...»
И показал планету...нет, слезу...
Чуть сплюсненную космосом слезу,
Набухшую в глазнице мирозданья.
И едко хохотнул: «От нашенских грехов,
От всех всемирных войн и камерных стихов
Когда-нибудь сей плод немислимо разбухнет
И в солнечный котел — увы и ах, но рухнет!»
Художник жрал вермут и лопал колбасу
И пальцем ковырял в приплюснутом носу.

ПОЛУШУТКИ В ПОЛУШУБКЕ

В 2002-м году в журнале «Юность» в нескольких номерах были опубликованы своеобразные шуточные портреты — около 100 эпиграмм и шаржей Юрия Влодова на современных литераторов. Здесь даны некоторые из них.

Александру Солженицыну

Высокую планку блюдет Солженицын!
Он Бродского сек за словесный понос...
На Музе Толстого мечтал жениться,
Но Муза Толстого воротит свой нос...

Андрею Вознесенскому

Вознесенский! Андрэ!
Вам в нетленку? — антрэ!

Белле Ахмадулиной

Хоть и вязь твоя дивно-матова,
И щедра Господня десница,
Ни Цветаева, ни Ахматова
Не хотят никак потесниться.

Евгению Евтушенко

Евтушенко стоит в мутной Лете
по пояс — не глыбко.
Сам себе и старик, и старуха,
но только не рыбка.

Борису Васильеву

Клонятся над дачей дяди Бори
Тихие литфондовские зори.

Фазилю Искандеру

Тянул Фазиль туманно, млечно,
Смакуя гордое вино:
«В конечном счете — все конечно...
Но!...»

Василию Белову

Приветим смачного Белова,
Он к нам приходит из былого,
Жуем, Васюту не коря,
«Бухтины» деда Щукаря.

Константину Ваншенкину

Окопный привет
От Ваншенкина Кости!
Он к нам — как поэт —
Насовсем или в гости?

Александрю Кушнеру

Да, Пушкин — Александр.
И Кушнер — Александр.
Но тот — колосс колоссов,
А этот — отголосок.

Вячеславу Куприянову

Прочисти огнемет верлибра, —
Верлибра крупного калибра.

Виктору Сосноре

Строгай, поэт, изделия —
Фигурные из дерева.

Юнне Мориц

В стихах лютует Юнна Мориц!
Так джигитует бранный горец.

Юрию Ряшенцеву

Забвенье крадется на мягких лапах.
Встряхнем, как ведется, перья на шляпах.

Михаилу Тарковскому

Он — Тарковский,
Но только не таковский.

Андрею Чернову

Перейдем через реку
Или через реку?
Как пропеть: «Ку-ка-р-еку»
Или «Ку-ка-ре-ку?»

Аркадию Арканову

Заарканил Арканов умы —
Сердце отдали Гоголю мы.

Михаилу Жванецкому

«Крокодилом» возвращен Жванецкий.
Он рассказчик вполне советский.

Михаилу Задорнову

Задорнов не бросит подмоченной лиры.
Плывет на спине по теченью сатиры.

Эдуарду Лимонову

Таких, как Лимонов
Не взять без ОМОНов.

Петру Вегину

Из-за гор, из-за морей,
Из-за окон и дверей —
Слышен ты едва-едва,
Вознесенский номер два.

Льву Лосеву

Обыностарним Лосева,
Прогнулась русская ось его.

Василию Аксенову

Жизнь грозитя десницей.
Жизнь коварна, как тать.
Тяжело за границей
Аксеновым стать.

Алексею Цветкову

Несвободную «Свободу»
Нам сулит поэт Цветков.
Вместо сих пустых витков
Сочинил бы Бушу оду.

Максиму Амелину, Олегу Чухонцеву

По-марафонски жмет Амелин —
Догнать Чухонцева намерен!
Но несгибаемый Чухонцев
Их крепких, тертых марафонцев.

Евгению Рейну

Дуй без якорей,
Яко Рейн.

Семену Липкину, Инне Лиснянской

ТЬфу на царя поэтов Соломона!
Вчера я видел Липкина Семена!
Лиснянскую я тоже видел лично.
И эта пара смотрится прилично.

Александрю Ревичу

Он стал поэтом в шестьдесят.
Пронзил сверкающий удар.
Шустря, втащили шесть лисят
Его поэзии радар.
И он уже не просто Ревич, —
Он просто Ревич — Нестаревич.

Ивану Оганову

Он — гений и совсем не гений —
Дитя полярных измерений.
Во сне просил у Мефистофеля
Такую малость — просто «Нобеля».

Олжасу Сулейменову

Почтим вставаньем суверенного
Степного мэтра Сулейменова.
Умолк стиха гремучий джаз.
Где ты сейчас? Эгей, Олжас!

Борису Акунину

Мистерия Акунина
Как травкою окурена.

Виктору Пелевину

За бесхозность
Творцом повелено —
В метро-космос
Швырнуть Пелевина.

Людмиле Улицкой

Наклюнулась идея.
Надумался сюжет.
И ты уже Медея! —
Апчи! — и ваших нет.

Андрею Волосу

Вещует Волос в полный голос,
Но голос Волоса как волос.

Владимиру Личутину

Волчьё! — Уступи чуть-чуть им,
И ты уже не Личутин.

Валентину Распутину

Распутин — это распутица-хрусть
За рваной брежью магнитной.
Святая распутница клонится Русь,
Склоненная грешной молитвой.

Юрию Кузнецову

Ты из небесных кузнецов,
Кующих дар удара.
Земной пиит Ю. Кузнецов,
Сержант из Краснодара.

Владимиру Орлову

Прет из Карлсона Шеврикука,
Ну какая тут к черту скука!
А Данилову между строк
Сам Коровьев поднес цветок.

Леониду Бородину

Мучитель стиля Бородин
С бессмертьем один на один.

Сергею Есину

Все б «ороманил»Есин! —
Да мир для песен тесен.

Светлане Кековой

Не боись Аполлона Григорьева!
Света Кекова, объегорь его!

Вере Павловой

Клубятся в случке правда с кривдой
Под шелест премий дождевой.
И в сотый раз со стенки лифта
К тебе воззвал читатель твой.

Модным поэтессам

Седакова или Постникова,
Или Бек и Николаева, —
Вам бы ситчика, да простенького,
Да есенинского баева.

Александру Ткаченко

Раскален Ткаченко чем-то.
Пламя! Красная лиса!
Эх, пулеметная тачанка,
Все четыре колеса!...

Алексею Дидурову

Ищет славы Дидуров
В цирковой наготе.
Но Дидуров — не Дуров.
Да и звери не те.

Нине Красновой

Зовучая тальяночка!
Соловушкин помет!
Пой девочка-рязаночка,
Сам Боков подпоет.

Юрию Беликову

Для поэзии Юрий Беликов
Перейдет и пролив Берингов.

Алексею Решетову

Ни премий, ни прений...
Ну, стало быть, гений!

Анне Гедымин

Она — поповна и княжна! —
Какого ей еще рожна!

Сергею Телюку

В НЛО открылся люк.
К люку руки тянем.
И явился нам Телюк —
Инопланетянин.

Сергею Касьянову

Съедобна книжка о любви —
Хоть на салат ее руби.

Александру Никитушкину

По ярам и бродам
Твой кукольный путь.
Так будь кукловодом,
Куклой не будь.

Борису Рябухину

Мятежен ты, как Стенька Разин,
А так – вполне благообразен.

Виктору Коркия

Вхожу в метро.
Из бездны взвился Коркия!
Вот это да! Своим глазам не верю я:
Кто сей фантомчик – Сталин или Берия?!
И распластался на арбузной корке я!..

Энтузиасту

Его лирическое кредо:
Любое кресло, но главреда.

Провинциальному поэту

Тебя не хочет знать никто –
Ни мэтры, ни малявки.
Ты как стандартное пальто
В забытой Богом лавке.

Живому, но мертвому
Сгинешь, хоть волком вой!
Время – калач тертый!
Коля Рубцов – живой,
Ты как поэт – мертвый.

Дельцу
Поэт-аналитик,
Любитель игр.
В писаниях – нытик.
В деяниях – тигр.

Автопортрету
Писал бы я стихи за всех
(А я писал за многих!) –
И наработал бы успех
Для рифмачей убогих!

О КНИГЕ ЮРИЯ ВЛОДОВА «ПОРТРЕТЫ»

«Портреты» — одна из трех главных книг Юрия Влодова.

Влодов начал писать ее еще в 60-е годы, а, может быть, даже и раньше, писал и в 70-е. Именно в то время, в основном, эта книга и была написана. Написана своеобразно, по большей части, в модернистском ключе, с ассонансами.

О чем эта книга?

В основном, это литературные портреты больших поэтов и писателей прошлого. Также образы каких-либо известных исторических личностей: царей, королей, полководцев, завоевателей и даже литературных персонажей. А также сюжеты, картинки из прошлого, из истории, в основном, опять же, из истории России. Почему, собственно и имеет эта книга еще одно название: «Летопись».

Что за личности, которых Влодов изобразил в своих «Портретах»? Конечно, в первую очередь, его привлекали цари и короли, как символы безграничной власти, которую можно использовать как во благо, так и во зло. Петр I, например, использует свою власть во благо, он в стихах Влодова царь-реформатор, царь-созидатель, поэтому и тон стихов о Петре задорный, веселый, хотя и несколько грубоватый.

«Цари обычно самодуры.
Царицы — просто злые дуры.
Царевны вялы, истеричны.
Зато царевичи — лиричны!
Подросток что? — Живые мощи!
Загривка нет, ходули тощи.
Торчит косица, как лоза,
Но в клетках мечутся глаза!
Но мировых познаний голод
Его, как зверь, скребет уже,
И назревает Петер-город
В зело лирической душе!..»
(«Цари обычно самодуры...»).

Для Влодова фигура царя Петра I — это идеал русского царя: он живой, бесшабашный, устремленный в будущее, не боящийся трудностей. Это царь новой, прогрессивной, европейской России.

В отличие от Петра царь Иван Грозный — правитель старой, азиатской Руси. Он тоже, в какой-то мере, созидатель. Вот, например, он возвел один из красивейших храмов — Собор Василия Блаженного. Но, в то же время, с присущей ему азиатской жестокостью и коварством, он ослепил творцов этого храма, зодчих, чтобы они не могли где-то еще возвести подобную красоту.

«И взыграл куполами неслыханный
Васька Блаженный!..
И тогда ослепили творцов, обезглавили напрочь!
Упоили сивухой, велели пожрать напоследок,
И по-царски спросили: «Чего вам желательно,
хамы?..»
(«И взыграл куполами неслыханный Васька Блаженный!..»)

Он же в припадке гнева и ярости убивает собственного сына.

«Ах, по головушке тугой -
Неслыханным жезлом!..
И целый миг трясет ногой
И пучится козлом...»

Ах, по головушке — жезлом!..
С оттяжкой!.. Да сплеча!..
И оплывает под углом
Истории свеча...»
(«Ах, по головушке тугой...»)

Поэтому Иван Грозный является для Влодова символом старой, дикой и необузданной Руси, которая сама себя по нелепости и дикости карает.

Но в то же время Влодов Грозного не осуждает, он с уважением относится и такому правителю. Какие времена, такие, как говорить, и нравы.

Из литературных фигур более других привлекали Влодова Пушкин и Мандельштам, именно о них он пишет больше всего. И понятно почему. Пушкин для него как некий, такой уже, нарицательный символ поэзии вообще, символ поэта в принципе. Влодов, конечно же, отождествлял себя с Пушкиным, и в какой-то мере писал эти картинки о Пушкине и с себя. Но не только. И внешне, и по характеру, на Пушкина был похож его приятель из «МК» поэт Александр Аронов. Так что и образ Аронова тоже лег в основу некоторых стихов о Пушкине.

«Светильники... Гербы...
Ночные менюэты...
Осенняя земля, —
Что вечная ладья!..»

Как Вечные Жиды
Курчавятся поэты,
Как вечный идол, прям
Земных затей судья».
(«Светильники... Гербы...»).

Что касается Мандельштама, то он был Влодову, конечно же, гораздо ближе и понятнее и по времени, и по судьбе. Именно с Мандельштамом он отождествлял себя более всего, в первую очередь, из-за своей бытовой неустроенности, из-за скитаний. Ну, и конечно, из-за национальности тоже. Ведь Влодов, хоть и наполовину, но был евреем, а внешность так и вовсе имел чисто еврейскую. Так что то, что происходило с маленьким тщедушным евреем на суровых русских просторах касалось и его тоже. Поэтому фигуру Мандельштама он тоже, по большей части, писал с себя. Возможно именно по этой причине она не вполне соответствует историческому образу Мандельштама, но Влодов об этом особо и не заботился. Ему этого и не надо было, ведь фигура Мандельштама для него чистая условность на самом деле, не более того. Именно этим объясняется и некоторая фамильярность и даже грубость при создании образа.

«Ну кто не знает Мандельштама?
Фигура-дура, скажем прямо:
Шатун, крамольный стихоплет,
В какой ты цвет его не выкрась.
Одни подачки: ест да пьет.
По виду — грач, по слухам — выкрест...»
(*Нэпманская баллада*).

Мандельштам для него лишь отправная точка, некий символ поэта-скитальца, поэта-изгоя, поэта-еврея в русской советской действительности. Влодов наполняет этот символ своим собственным смыслом и содержанием, проецируя все происходящее на себя. Поэтому читаем «Мандельштам», подразумеваем «Влодов».

«Хиленькому Осипу
До ума б дожить, —
Сколько можно сослепу
Хныкать и ханжить?

Влезет вместе с пейсами
На чужой диван,
Слушая, как с песнями
Ждет в ночи Иван.»
(«Хиленькому Осипу..»)

Конечно, с другими литературными фигурами он так сильно не сливался, старался уже более объективно к ним относиться и создавать более-менее исторически достоверные образы, чаще всего образы трагические. Вот мятущийся, раздираемый духовными противоречиями Лев Толстой.

«В двери — скреб-скреб... В окна — тук-тук:
— Лев Николаич! К заутрене не пройдете?..
Вскочил босиком и гаркнул, как мощный петух:
— Да сгинь ваша церква в коровьем помете!

В ханжеском храме молитву гнут на зубок...
Поп с похмела изрыгает акустику чрева...
А в графской каморе двое — Толстой и Бог, —
Оба босые, всклокоченные от гнева!.. »
(«В двери — скреб-скреб... В окна — тук-тук...»).

Вот страдающий от неразделенной любви Маяковский.

«Бензиновый конь копытами — прыг!
Стоп! — задрожал. Железно заржал.
Пять шажищ к телефону: «Квартира Брик? –
Уехала? Жаль.»
Машинально — за верным «Казбеком» в карман.
На коробку налип грязный листок:
«Маяковский! Мы знаем, что вы — графоман!
Не прячьтесь под лестницей строк!»
(«Бензиновый конь копытами — прыг!..»).

Вот сходящий с ума в предчувствии близкой кончины Есенин.

«Зарежусь!» — объявил Есенин девке.
«Да что ты? — против Бога и природы?!»
«Зарежусь, говорю! Молчи, дуреха!
Бог добрый, а природа в нас самих!»
Умолкли, выпили, накрылись простыней...
В углу под краном капли отбивали
последний месяц...
«У, какая грудь!» — пропел поэт
и глухо всхлипнул: «Ма-ма!».
(«Зарежусь!» — объявил Есенин девке...»).

К своим же современникам, собратьям по перу, Влодов относился с некоторым юмором, с иронией и даже с язвительностью.

«Да, трудно, брат, работать Солженицыным, —
Косясь на окна, возвращать строку...
Так есаул, подбитый под Царицыном,
В крестьянской робе прятался в стогу.

Трещит забор под чужеродным трением,
Всю ночь визжит как резаный вокзал,
И думает Исаич: «Был бы гением,
Я б вам, христопродавцы, показал!!»
(«Да, трудно, брат, работать Солженицыным...»)

Влодов, по большей части, ни за кого их не считал, а в некоторых случаях и вовсе презирал. Рад был указать на какие-то моральные огрехи в их поведении, в образе жизни. Порой он мог опускаться и до прямых оскорблений. Ведь жизнь Влодова гладкой, как известно, не была, и отношения со своими литературными собратьями тоже. А поскольку он в официальном лит-процессе задействован не был, ни от кого и ни в чем не зависел, никаких публикаций и книг ниоткуда не ждал, поэтому и мог позволить себе говорить и писать о людях все, что ему заблагорассудится.

Правда, к таким большим фигурам, как Солженицын, например, это, все-таки, не относится, он, конечно, иронизирует над ним, но его творческую значимость и вклад в литературу признает.

Но всевозможные его, так называемые «полушутки», расходились и так и ни в каких публикациях, в общем-то, и не нуждались. Но конечно, полушутки вряд ли можно было отнести собственно к «Портретам», только если условно, но в принципе можно, если уж все собирать.

Но основные стихи из книги «Портреты» — это серьезные, основательные образы каких-то значительных исторических и литературных фигур прошлых времен.

ЮРИЙ ВЛОДОВ. БИОГРАФИЯ

Юрий Александрович Влодов родился в 1932 году в г. Новосибирске в театральной семье. Отец — Влодов Александр Захарович — был театральным режиссером, мать — Надежда Борисовна Надеждина — актрисой. У семьи в то время не было постоянного места жительства, родители вместе с театром гастролировали по стране, периодически оседая на некоторое время в различных городах.

В детские и юношеские годы поэт пережил войну, оккупацию, эвакуацию.

Писать стихи начал рано, лет с 7–8, вдохновленный творчеством Пушкина и Лермонтова, писал огромные подражательные поэмы.

С первыми взрослыми стихами в конце 50-х приехал в писательский поселок Переделкино и пришел к классикам: И. Сельвинскому, Б. Пастернаку, К. Чуковскому. Знаменитым мэтрам творчество молодого поэта пришлось по душе, и они прочили ему большое литературное будущее. С предисловием Ильи Сельвинского в 1967 году вышла его подборка в журнале «Смена», за которую он стал лауреатом журнала.

Но литературная карьера у Юрия Влодова не сложилось, слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. Поэт написал ряд антисоветских стихотворений, а также стихи с явной сионистской направленностью, открыто выступал с ними

перед большими аудиториями, чем привлек внимание соответствующих органов. Стали знаменитыми такие его строчки, как «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» и «Под нашим красным знаменем гореть нам синим пламенем!». После этого судьба поэта была предрешена. Он попал в «черные списки», потерял возможность полноценно печататься, издаваться, вступить в Союз писателей.

По договору короткое время работал в журнале «Смена», в газете «Московский комсомолец», в постперестроечное время в журнале «Юность».

Печатался также в «Смене», «МК» и «Юности», и кроме того в журналах «Сельская молодежь», «День и Ночь», «Дети Ра», «Клуб», «Зинзивер», «Дружба народов», в газетах «Труд», «Гудок», «Трибуна», «Советская Россия», в «Литературной газете», в альманахах и сборниках: «Илья», «Истоки», «Приют неизвестных поэтов», «Тени странника», «Звоны над Вохной», «Эолова арфа», «45-я параллель». Но все эти публикации были уже в основном после перестройки.

Первая книга «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность».

В 2009 году вышла книга в твердой обложке: «На семи холмах». Издана издательством «Московские учебники и картолитография». В ней, в общей сложности, 8 разделов, из них 6 — стихотворных. 224 страницы.

В 2015 году во «Времени» вышла книга «Летопись», где были опубликованы почти все военные стихи Влодова, а также некоторая часть стихов и из этой книги.

Основная же книга, над которой поэт работал всю жизнь — это «Люди и боги». Это многостраничная эпопея о взаимоотношениях Бога и человека, о борьбе добра и зла в душах и сердцах людей. «Люди и боги», вышла в издательстве «Время» в августе 2012 г.

Судьба поэта настолько необычна, что его имя еще при жизни было овеяно легендами и мифами.

О Юрии Влодове созданы 3 фильма: «Я Вам пишу, Ваше величество» (*телефильм, канал РТР, 1992 г.*) и кинофильм «А гений — сущий Дьявол!.. » (*киновидеостудия «Человек и время», 1995 г.*), видеофильм «Юность» — Пермский десант», 2009 г.

О жизни и творчестве Юрия Влодова написано и опубликовано в различных местах много статей и интервью пермским поэтом и журналистом Юрием Беликовым.

В 2007 году Равиль Бухараев (1950—2012), поэт и публицист, живший в Лондоне, написал о творчестве Ю. Влодова большую статью под названием «Я — жизнь твоя!»

Был женат на поэтессе Людмиле Осокиной (Влодовой). У них была дочь Влодова Юлия Юрьевна (1983-2008). Есть внучка Влодова Маргарита Романовна (2005 г. р.), дочь Юлии.

Юрий Влодов был членом Московского союза литераторов с 2007 года, а также членом Союза писателей Москвы с ноября 2008 г.

Умер 29 сентября 2009 г.

Людмила ОСОКИНА

СОДЕРЖАНИЕ

Сюжеты о литературных персонажах	
I. Дон Кихот	3
II. Робинзон	3
III. Дон Жуан	4
Сюжет об Андрее Рублеве	
«Андрей Рублев — отнюдь не Мономах...»	5
Сюжет о Цезаре и Бруте	
«Он удивился: "Ты, мой Брут?!"...»	6
Сюжеты о монголо-татарах	7
I. «Спросил кривой монгол...»	7
II. «Воронище над битвой кружит...»	8
Сюжеты об Иване Грозном	
I. «И выиграл куполами...»	9
II. «Ах, по головушке тугой...»	9
Сюжеты о Петре I	
I. «Цари, обычно — самодуры...»	10
II. «Живуч доносчик на Руси!..»	11
Сюжет о Ломоносове	
«Ядрен помор Михайло!..»	12
Сюжеты о Екатерине II	
I. «Майн готт! И откуда морщины?..»	13
II. «Как ходит бровь Екатерины!..»	14
Сюжеты о Наполеоне	
I. «Поредел императорский чубчик...»	15
II. «Не осталось бывшего азарта...»	15

Сюжеты о декабристах	
I. Декабристы	16
II. «В надежных розвальнях, в мехах...» ...	17
Сюжет о Денисе Давыдове	
«Давыдов проснулся...»	18
Сюжеты о Пушкине	
I. «Светильники...Гербы...»	19
II. «Когда на клейкий подоконник...».....	20
III. «О балы мои далекие!...»	21
IV. «Светлело, а гусиное перо...».....	21
V. «Монарх изрек: "Что всеу Смерть?.."» ...	22
VI. «На тебя за неделю четыре доноса!..» ..	23
VII. «— Бродяга, кто ты? Я — Христос!..» ...	24
VIII. «Слетают листья с Болдинского сада...»	24
IX. «Пушкин с Гоголем сидели...».....	26
X. «Под чугунным небосводом...».....	27
XI. Смерть пушкина	27
Сюжет о Лермонтове	
«Пехотный пыльный понедельник...»	28
Сюжет о Достоевском	
«Достоевский — от слова "достоинство"...»	30
Сюжеты о Толстом	
I. «Русский лес — домовит...»	31
II. «Граф, извиняй! — слова твои пусты...»	32
III. «В двери — скреб-скреб...».....	33

Сюжеты о Блоке	
I. «Слепые силуэты Петрограда...»	34
II. «Не путайте балы и Блока...»	35
III. «Дежурной улыбкой лучится...»	36
Сюжет об Иннокентии Анненском	
«Клокочущий хорал труба переросла...» .	37
Сюжеты о Есенине	
I. «"Зарежусь!" — объявил Есенин девке...»	38
II. «Заприметил в кафе Пастернака!..»	39
Сюжет о Маяковском	
«Бензиновый конь копытами — прыг!..» . .	40
Сюжеты о Мандельштаме	
I. НЭПМАНСКАЯ БАЛЛАДА	41
II. БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ	42
III. «Тайги сухая осыпь...»	45
IV. «Хиленькому Осипу...»	45
V. ЛАГЕРНАЯ БАЛЛАДА	46
Сюжет о Сталине	
«Ну что, товарищ Коба?..»	52
Сюжеты об Ахматовой	
I. «Я вижу Ахматову Анну...»	53
II. «Ахматова Есенина раскрыла...»	53
III. «Словила в зеркале украдкой...»	54
IV. «Рассказал мне в ГУМе Лёва...»	54
Сюжет Николае Рубцове	56
«Что тоскуешь, русский человек...»	56

Сюжет о Леониде Мартынове	
ПАМЯТИ ЛЕОНИДА МАРТЫНОВА	57
Сюжет о Солженицыне	
«Да, трудно, брат, работать	
Солженицыным...»	58
АВТОПОРТРЕТ	59
Полушутки в полушубке	
Александру Солженицыну	60
Андрею Вознесенскому	60
Белле Ахмадулиной	60
Евгению Евтушенко	60
Борису Васильеву	61
Фазилию Искандеру	61
Василию Белову	61
Константину Ваншенкину	61
Александру Кушнеру	61
Вячеславу Куприянову	62
Виктору Сосноре	62
Юнне Мориц	62
Юрию Ряшенцеву	62
Михаилу Тарковскому	62
Андрею Чернову	62
Аркадию Арканову	62
Михаилу Жванецкому	63
Михаилу Задорнову	63
Эдуарду Лимонову	63
Петру Вегину	63

Льву Лосеву.....	63
Василию Аксенову	63
Алексею Цветкову	64
Максиму Амелину, Олегу Чухонцеву	64
Евгению Рейну	64
Семену Липкину, Инне Лиснянской	64
Александрю Ревичу	64
Ивану Оганову	65
Олжасу Сулейменову	65
Борису Акунину.....	65
Виктору Пелевину	65
Людмиле Улицкой.....	65
Андрею Волосу	65
Владимиру Личутину.....	66
Валентину Распутину.....	66
Юрию Кузнецову.....	66
Владимиру Орлову.....	66
Леониду Бородину.....	66
Сергею Есину	66
Светлане Кековой.....	67
Вере Павловой.....	67
Модным поэтессам	67
Александрю Ткаченко	67
Алексею Дидуруву.....	67
Нине Красновой	68
Юрию Беликову.....	68
Алексею Решетову	68
Анне Гедымин.....	68
Сергею Телюку	68

Сергею Касьянову.....	68
Александру Никитушкину.....	69
Борису Рябухину.....	69
Виктору Коркия.....	69
Энтузиасту.....	69
Провинциальному поэту.....	69
Живому, но мертвому.....	70
Дельцу.....	70
Автопортрету.....	70

Людмила ОСОКИНА

О КНИГЕ ЮРИЯ ВЛОВОДА «ПОРТРЕТЫ» . . 71

Людмила ОСОКИНА

Об авторе. Юрий Влодов. Биография. . . . 78

Книжная серия «Авангарнды»

Юрий ВЛОДОВ

ПОРТРЕТЫ

стихотворения

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка — Ирина Ракитина

Бумага офсетная
Гарнитура Myriad Pro
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 17.10.2018
Подписано в печать 14.11.2018

Издательство Евгения Степанова
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75

Книга издана при участии
ООО «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (499) 152-28-04

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.

Издательство
Евгения Степанова



«Портреты» — одна из основных книг поэта Юрия Влодова (1932–2009).

О чем она? В основном, это литературные портреты больших поэтов и писателей прошлого. Также образы каких-либо известных исторических личностей: царей, королей, полководцев, завоевателей и даже литературных персонажей.

Кроме того, здесь собраны сюжеты, картинки из прошлого, из истории, в основном, опять же, из истории России. Почему и имеет эта книга еще одно название: «Летопись».

ISBN 978-5-91865-538-2



9 785918 655382